

В это утро снова пошёл сильный снег. Сяо Цинму только вышел из дома, как Яньчжу поспешил накинуть на него плащ и поднял зонт:

— Прошлой ночью загорелся боковой зал рядом с Восточным дворцом. Восточный дворец сгорел дотла, император в гневе приказал строго расследовать это дело.

Сяо Цинму кивнул, оглянулся и увидел только плотно закрытую дверь. Он сел в карету:

— Поедем во дворец, посмотрим.

Яньчжу заглянул внутрь:

— Ваше Высочество, сначала вернёмся в резиденцию, чтобы переодеться.

Сяо Цинму, откинувшись на спинку, с нахмуренным лбом закрыл глаза и кивнул.

Яньчжу, управляя каретой, думал, что что-то не так. Почему нет никаких признаков весеннего настроения?

Сяо Цинму несколько дней не появлялся на аудиенциях, ссылаясь на болезнь. Пока Сяо Хуаймин не вернулся, в зале заседаний каждый день шли споры, а после его возвращения Яо Чжан совсем распушил хвост. Если бы Шань Чилю не оставался, он бы и вовсе устроил переполох.

В этот день он пришёл, когда утренняя аудиенция уже закончилась. Войдя, он увидел Лу Цяньтана, который уже стоял у дверей внутреннего зала. Тот почтительно поклонился, и, кроме болезненного вида и слегка опухших губ, казалось, ничего не произошло.

Сяо Цинму взглянул на него и прямо вошёл во внутренний зал.

Там стояли наследный принц и князь Лян. Сяо Цинму поклонился:

— Прошлой ночью я почувствовал себя плохо и ушёл раньше. Говорят, в Восточном дворце кто-то устроил пожар. Удалось ли выяснить, кто это был?

Наследный принц первым заговорил:

— Уже отправили людей на расследование. Огонь был очень сильным, несколько слуг и служанок получили ожоги, а одна из моих наложниц тоже обожгла руку, но в остальном всё в порядке — спасибо седьмому брату, именно его люди первыми обнаружили пожар, иначе последствия могли быть куда хуже.

Сяо Цинму сказал:

— Этот пожар действительно странный. Что стало его источником?

Князь Лян ответил:

— Загорелся склад дров в боковом зале Восточного дворца. Если бы это было в другом месте, огонь не был бы таким сильным.

Император Чжэньюань отодвинул лежащие на столе доклады:

— Виновные слуги уже находятся в тюрьме. Это дело будет расследовано министерством

юстиции, а затем передано в три судебных ведомства — позовите Лу Цяньтана.

Стоящий рядом евнух поспешно поманил, и слуга у дверей вышел передать приказ. Лу Цяньтан быстро вошёл и поклонился.

Император Чжэньюань сказал:

— Ты уже некоторое время носишь звание тысячника. Многие говорят, что ты находишься рядом с императором благодаря милости. Сегодня я поручаю тебе это дело, даю возможность доказать свою состоятельность. Через три дня представь мне результат. Если не сможешь, отправляйся к воротам Умэнь для наказания палками и больше не возвращайся ко двору.

Лу Цяньтан, не меняя выражения лица, преклонил колена, принял указ и почтительно удалился.

Сяо Цинму опустил глаза, в душе у него зародились некоторые догадки.

Император Чжэньюань сказал:

— Я устал, все можете удалиться, Цижунь останется, поговорим.

Когда все остальные вышли, император Чжэньюань долго смотрел на Сяо Цинму, прежде чем медленно заговорить:

— Мне сказали, что ты прошлой ночью ночевал в «Цяньлицзуй»?

Сяо Цинму вздрогнул:

— Да.

Император Чжэньюань вдруг добавил:

— Скоро конец года, ты уже не молод. Если не хочешь жениться, можешь взять наложницу — Цинчжи служит тебе много лет, почему бы не взять её? В начале года будет хороший день, её мать служила твоей матери, а теперь она служит тебе, это соответствует этикету.

Сяо Цинму сказал:

— Я согласен, но у Цинчжи уже есть возлюбленный. Недавно я обещал ей хорошее приданое, и не могу забрать свои слова обратно. Прошу ваше величество простить меня.

Император Чжэньюань пристально посмотрел на него:

— Я чувствую вину перед твоей матерью, поэтому забочусь о тебе. Но, Цижунь, есть вещи, которые я не могу позволить тебе делать. Мне жаль быть строгим с тобой, но с другими я могу.

Сяо Цинму опустился на колени:

— Я не понимаю, что имеет в виду ваше величество.

Император Чжэньюань фыркнул:

— Не понимаешь? Ты лучше всех понимаешь! Я не могу не знать о людях рядом со мной. Если что-то неясно, я не оставлю их, как могу оставить тебя рядом с собой?

Сяо Цинму вдруг вспомнил тот загадочный взгляд Лу Цяньтана утром — он, вероятно, уже догадался.

Сяо Цинму почувствовал тяжесть в груди, множество догадок нахлынуло на него, и только через некоторое время он сказал:

— Я слушаю ваше величество.

Император Чжэньюань вздохнул, его тон стал менее жёстким:

— Встань, не надо стоять на коленях — все эти годы ты просил мало, и всё, что я мог дать тебе, было лучшим. Но на этот раз я не могу позволить тебе держать рядом с собой кинжал, готовый выпить твою кровь.

Сяо Цинму опустил голову и согласился, в душе у него бушевали противоречивые чувства, и он молча удалился.

Лу Цяньтан провёл три дня в сырой и холодной тюрьме. Крики уже начали притуплять его чувства — у него не было пути назад. Если эти люди не пострадают и не прольют кровь, то умрёт он.

Одежда и сапоги Лу Цяньтана были покрыты липкой кровью. Он присел на корточки, держа в руке маленький серебряный нож, и быстрым движением нанёс удар. Перед ним стоящий на коленях евнух закричал от боли, а отлетающие куски плоти обнажили кость на его плече.

Лу Цяньтан уже начал нервничать. Это был последний день, и все эти люди уже были изрезаны почти до костей, но этот евнух оказался особенно упрямым, то ругая его за бесчестие, то крича о своей невинности.

Лу Цяньтан почти очистил его руки от мяса, евнух несколько раз терял сознание, но его приводили в чувство холодной водой. Однако это не помогало, он был крепким орешком. Его несколько раз прижигали, но он всё равно молчал.

Лу Цяньтан бросил нож, стоящий рядом тюремщик поспешно подал ему тёплый платок:

— Господин, отдохните немного, вы уже несколько дней без сна, сами себя изматываете.

Лу Цяньтан вытер руки и вернул платок:

— Хватит допросов, давайте поговорим — все выйдите.

Когда все вышли, камера опустела. Евнух тяжело дышал, хрипло смеялся:

— Я знаю, что ты не настоящий господин. Если не сможешь ничего выяснить, ты тоже умрёшь. Я всё равно умру, но заберу с собой и тебя, это неплохо.

Лу Цяньтан тоже засмеялся:

— Много знаешь, но я человек без привязанностей, умру — и умру, никто не будет плакать по мне.

Он сделал паузу, словно действительно собираясь поговорить:

— Не знаю, будет ли кто-то собирать твоё тело на рынке, проливать слёзы за тебя?

Евнух насторожился, плюнул на него:

— Какое тебе дело? Ты, неизвестно откуда взявшийся пёс, добрался до императора и теперь воображаешь себя господином!

Лу Цяньтан не рассердился, улыбнулся:

— Да, я пёс. Но ты лучше меня. У тебя есть шестидесятидвухлетняя мать, которая держит магазин косметики в Духуае, и семнадцатилетняя сестра. Сестра очень красивая, у неё даже есть родинка на губе — кстати, говорят, это родинка красоты. Неудивительно, что молодой господин из семьи Яо часто заглядывает в магазин косметики.

Лу Цяньтан указал на свою левую губу, словно показывая, где находится родинка:

— Ты, наверное, не знаешь, но я человек мстительный. Если моя жизнь зависит от тебя, то я могу забрать с собой и других. Я могу умереть у ворот Умэнь — нет, сестре всего семнадцать, и она такая красивая, жаль, если умрёт.

Евнух широко раскрыл глаза, смотря на него, и долго не мог вымолвить ни слова.

Лу Цяньтан звякнул ножом:

— Тебе не нравится это слышать? Тогда поговорим о другом. Когда я был учеником, я слышал несколько театральных пьес, в них были такие красивые строки, что я не могу их повторить, но могу прочесть тебе. Ведь мы с тобой почти в одной лодке, поговорим немного.

Евнух тяжело дышал, Лу Цяньтан не обращал на это внимания и продолжил:

— У меня плохая память, но я помню что-то вроде: «Нежные запястья — подушка для тысячи, алая губа — угощение для десяти тысяч гостей». Не смотри на меня так, судьба твоей сестры в твоих руках. У меня есть полдня жизни, но этого достаточно, чтобы устроить ей судьбу.

Евнух резко бросился вперёд, Лу Цяньтан оттолкнул его ногой, встал и с презрением посмотрел на него:

— Ты должен знать, что умирающий человек способен на всё. Ты не даёшь мне жить, и я не дам тебе умереть спокойно.

Евнух хрипло закричал:

— Вы все! Бесчестные негодяи! Даже в императорском дворце процветают такие гнусности!

* «Нежные запястья — подушка для тысячи, алая губа — угощение для десяти тысяч гостей» — цитата из старинной пьесы, описывающая судьбу куртизанки.

<http://bllate.org/book/16145/1445880>